

А. Ф. Журавлёв
(Москва)

Десемантизация корня как дериватологическая проблема (на материале производных глаголов в русских говорах)

В дериватологии (шире — в теории номинации) недооценивается роль такого важного фактора в возникновении лексических единиц, как семантическое опустошение корневых морфем. В статье рассматриваются русские диалектные экспрессивные глаголы, образованные большей частью способом конфиксации, у которых отсутствует связь между этимологическим значением корня и семантикой целого. Значения таких слов не сосредоточены в корне, как при стандартной деривации, а передаются самой словообразовательной конструкцией. По мнению автора, теоретическое игнорирование регулярной десемантизации не позволяет достичь адекватности в описании принципов и механизмов номинации.

Ключевые слова: номинация, словообразование, русские диалекты, глагол, корень, десемантизация, формально-смысловая асимметрия, экспрессивность

Состояние научной дисциплины до известной степени отражается университетскими учебными пособиями, которые ей посвящены. Всякий, кто знакомился с учебниками русской диалектологии, видимо, замечал отсутствие в них разделов по словообразованию, несмотря на то, что дериватологическим проблемам уделено большое количество диалектологических исследований. Исключением стал учебник русской диалектологии [Касаткин (ред.) 2005], в котором впервые появился небольшой раздел «Словообразование», написанный О. Г. Гецовой¹. Многочислен-

¹ Ранее некоторые, весьма поверхностные, сведения о «структурной мотивированности» диалектного слова нашли место в учебном пособии по диалектной лексикологии [Блинова 1984]. После упомянутого учебника с очерком О. Г. Гецовой параграфы «Словообразование» стали встречаться в пособиях, издаваемых «на местах» (например, малый по объёму и суммарного характера, почти без примеров, раздел в [Мочалова 2008: 40–41]). Диалектному словообразованию посвящён ряд дидактических по характеру сочинений Е. М. Пантелеевой, Е. Н. Шабровой и др. Но в целом ситуация остаётся прежней.

ные исследования по диалектному словообразованию большей частью обращены к отдельным явлениям и их характеристикам — семантике и функциям того или иного суффикса или префикса, даже словообразовательных моделей, к строению словообразовательных гнёзд, в том числе с историческими и этимологическими комментариями, к географии аффиксов, но цельных описаний как деривационных систем частных диалектов, так и, тем более, словообразовательного уровня диалектной диасистемы в целом, явно недостаёт.

Причины такому положению вещей меньше всего нужно искать в субъективных факторах — в какой-то нерасторопности диалектологов, в недостатке теоретической рефлексии, и не в таких более, казалось бы, «объективных» моментах, как отрывочность диалектных данных, лакунность имеющихся описаний и проч., а, во-первых, в природе самого диалектного материала, неудобного для первичной систематизации и дальнейшей разработки, и, во-вторых, в ненужной оглядке на брезгливую грамматику кодифицированного идиома.

Забываясь о респектабельности своего предмета, грамматические описания литературного языка стараются представить его регулярной и стройной формацией, особо подчёркивая его нормативность, действенность унифицирующих тенденций, высокую устойчивость морфемики, исчислимость моделей, разграниченность и отшлифованность функциональных стилей и т. д. До известной степени это оправданно. Но подходы, практикуемые в описаниях идиома с подобными свойствами, зачастую оказываются малопригодными в изучении строя территориальных диалектов. Исследователь диалектов вынужден иметь дело с иррегулярностью, сильной варьируемостью материала, проблематичным присутствием нормы, смешением моделей, большей подверженностью иносистемным влияниям, обилием «пережиточных» фактов, следами субстрата, анархией в сложении лексикона... В перечисленных особенностях, обусловленных устным существованием говоров, заключаются не только трудности диалектологического описания, но и — признаётся преданный своему делу диалектолог — неодолимая привлекательность этой языковой стихии.

Целостное описание словообразования идиома или группы близкородственных идиомов, каковой является и совокупность диалектов одного языка, разумно начинать с морфемики, с исчисления морфемного репертуара, но в силу наблюдаемой варьируемости материала синхронное отождествление морфем, а тем самым и выявление их «списочного» состава, нередко представляет неразрешимые проблемы. Неустойчивость

материального облика морфем, взаимное их наложение, пониженная распознаваемость морфемных швов мешают последовательно использовать диахронический анализ для синхронной идентификации и аффиксов и, в ещё большей степени, корневых единиц. Сложности соотношения и разграничения формальных единиц значительно усугубляются таким свойством диалектной лексики, как лабильность словесных значений, и таким явлением, как семантическое опустошение основ.

Историкам лексики, этимологам в частности, феномен семантической эрозии (многообразные проявления которой ещё нуждаются в детализации причин и характеристик) знаком, но предметом специальных наблюдений и теоретического осмысления он становится исключительно редко. Больше того, дериватологические описания что территориальных говоров, что кодифицированных идиомов, похоже, тщательно избегают даже упоминания явлений морфемной десемантизации, выветривания значений, по-видимому, относя их не к неумолимой тенденции, а к досадным помехам, до преодоления которых пока просто не дошли руки. О существовании семантической эрозии основ и корневых морфем знают или догадываются, но в парадную прихожую её не пускают, а посылают на чёрную лестницу. Красноречиво то обстоятельство, что даже в крупных грамматиках системные описания аффиксов и словообразовательных моделей устойчиво уклоняются от привлечения слов с формально-смысловой асимметрией, несущих слабые приметы неактуальных уже тропических сдвигов или утративших выводимость из фразеологии, — вроде *втрескаться*, *огорошить* (о нём см. [Журавлёв 2021]), *распатронить*, *приструнить* или *сморозить* ‘сказать глупость’ (в издании «словаря Ожегова» с включением сведений о происхождении слов последняя вокабула имеет отсылку «К *морозить*», тогда как в указанной словарной позиции нет ни малейшего намёка на наличие у производящего глагола какой-либо ментальной семантики; русский этого равнодушно не заметит, но любознательный иностранец, осваивающий тонкости мотиваций в нашем языке, вынужден пребывать в недоумении). Грамматики выбирают удобные и наглядные словопроизводственные отношения, а «ненаглядные» предпочитают не видеть и не обсуждать, как бы их нет вообще. Семантические диссонансы в круг интересов прескриптивной дериватологии не входят. В грамматиках язык предъясняется более «правильным», симметричным и плоским, чем он есть.

Энтропия морфемной семантики затрагивает все части речи, но, пожалуй, в наибольшей мере содержательная деградация корня характер-

на для глагола². Когда о семантической эрозии говорят применительно к глаголу, чаще прочего имеют в виду ослабление назывной функции в пользу строевой, перемещение знаменательных лексических единиц в зону грамматических формантов, ср. *братъ начало, вести наблюдение, нанести оскорбление, отдать приказ* и под., диал. *взять в смешки* 'поднять на смех', *взять поворота* 'повернуть', *взять в тям* 'догадаться', фолькл. *жалобу творить, творить послушание, творить любовь* 'жить в любви' и под. Но в предлагаемых заметках, опирающихся на материал говоров, речь пойдёт о явлениях, касающихся именно семантики глагольного корня или основы и обнаруживающихся в словопроизводстве.

Демотивация глагола, разрывы в значениях между «стартовым» морфемным материалом и результатом словообразовательного акта особенно видны во многочисленных примерах экспрессивной глагольной лексики. Здесь можно наблюдать как постепенное ослабление собственной семантики корня в целом гнезде, в некоторых предельных моментах приводящее к невозможности усмотрения их смысловой (но не формальной!) связи с этимологическим корнем, — так и полное снятие исходной семантики корня в разовой деривации, носящее либо патологический, либо совершенно осознанный, а иной раз и провокативный характер. Такие смысловые смещения не относятся к особенностям лексики лишь народных говоров, но диалектная речь, в силу названных выше её особенностей, порождает устным модусом существования, даёт материал несравнимо более разнообразный и яркий, чем кодифицированные идиомы, что и определило здесь ориентацию именно на диалектные источники.

Первый круг явлений, то есть растворение этимологического значения корня (основы) в ветвях деривационных гнёзд вплоть до полной его утраты, можно иллюстрировать примером богатого на глагольные производные словообразовательного кластера *собак-/собач-*, формальная спаянность которого сомнению не подвергается (по исчерпанным показаниям СРНГ, дополненным, в квадратных скобках, сведениями Даля и некоторых региональных словарей, а также общеизвестными фактами недиалектной «низовой» речи):

² Ср. о польском глаголе: «Ustalenie relacji formalno-semantycznych w obrębie czasownika jest trudniejsze aniżeli przy innych częściach mowy»; и далее: «Wreszcie charakterystyczna dla czasownika jest duża ilość wyrazów, które są podzielne tylko formalne, łatwo wyodrębnić w nich prefiks i temat, semantycznie jednak już one niemotywowane» [Grzegorzcykova 1981: 74].

Собачить. 1. Баловаться, шалить. || Делать пакости, портить что-либо. 2. Скреплять, соединять толстой жердью звенья плота. [Зло ругать.]

Собачиться. 1. Развлекаться, забавляться, вести себя несерьёзно, озорно. || Шалить, баловаться. || Злить, раздражать чем-либо, дразниться. [Переругиваться.] 2. Привыкать к буйной, неприличной жизни.

(+ *Собачливый* ‘бранчливый, ругливый’ — отглагольный дериват, к *собачиться*.)

[*Всобачить*. (1.) Вставить, вбить, вколотить. (2.) Насильно вручить, заставить взять.]

Высобачить. Выругать, обляять кого-либо.

[*Дособачиться*. Доссориться, добраниться, доругаться вздоря.]

Засобачить. 1. Затянуть песком, илом. [*Засобачило. Затянуло, зажало; засе-ло; морск. заело.*] 2. Засунуть, спрятать, положить куда-либо и забыть об этом. 3. Начать кричать на кого-либо, начать ругаться. 4. Начать плохо, непорядочно поступать.

Засобачиться. 1. Начать браниться с кем-либо. [Переругаться донельзя]. 2. Задеваться куда-либо, исчезнуть, пропасть.

[*Исобачиться*. Переругаться. || *Сделаться собакой.]

Насобачиться. Привыкнуть к дерзкому обращению с кем-либо. || Привыкнуть вести себя нагло, хулиганить. [Пособачиться вдоволь, набраниться. || Наловчиться, приобрести навык. || Напиться пьяным.]

(+ *Несобачливый* ‘не склонный к ругани, легко уживающийся с окружающими’ — производное от *собачиться* ‘переругиваться’.)

Обсобачить. 1. Обругать, резко упрекнуть. 2. Озлобить, ожесточить кого-либо. [*Обсобачить. Обругать.* || Приучить лаяться, браниться.]

Обсобачиться. 1. Сильно рассердиться, рассвирепеть. 2. Стать грубым, потерять совесть, стыд. 3. Озлобиться, ожесточиться.

Отсобачить. Отрезать слишком много. || Отрезать самовольно. [Открепить, отделить; откромить.]

[*Отсобачиться*. Отгрызться, отбраниться.]

Пересобачить. 1. Превысить меру в чем-либо, переборщить; проявить излишнее усердие. || Пересолить (еду). || Выпить лишнего, перепить. || Наговорить лишнего. || Изругать, перебранить всех, многих; взять верх в споре, брани. 2. Переломить сильным ударом. 3. Сильно утомить, натрудить.

Пересобачиться. Перессориться, переругаться.

[*Пособачиться*. Перебраниться, поссориться.]

[*Присобачить*. Прикрепить; подсоединить.]

[*Присобачиться*. (1.) Пристать с бранью, прицепиться. (2.) Приспособиться, наловчиться.]

Прособачить. 1. Проткнуть, ранить. 2. Прозевать, упустить, проморгать. 3. Бегом, быстро сбежать куда-либо.

[*Прособачиться*. Провести какое-либо время в перебранке.]

Рассобачить. 1. Обругать, облаять. 2. Разодрать, разорвать; разбить.

Рассобачиться. Расшалиться, разыграться, расшуметься (о детях). [Разругаться, поссориться.]

Все слова этого перечня структурно прозрачны. Лексема *собака* в приведённых толкованиях встречается только однажды: *иссобачиться*: «*сделаться собакой», где далевский астериск указывает на переносное значение мотивирующего слова. Однако с ним, без сомнения, соотнесены все значения, не выделенные выше подчёркиванием; они группируются вокруг идей «озорство, шум», «дурные манеры», «грубость, дерзость», «злоба», «брань, ссора»; толкования всех глаголов с этой семантикой могут расширены оговоркой «уподобляясь собаке», включая, наверное, и удалённые ‘натрудить, утомить’ (*устал как собака*), ‘напиться пьяным’ (хотя пьющие собаки, кажется, редкость). Подчёркнутые же толковательные формулы непосредственно с идеей «собаки» не связаны. Значение *присобачить* ‘приделать, прикрепить’ может быть увязано с метафорическими названиями некоторых технических ухищрений вроде *собачки* ‘соединительные детали в ткацком стане’, ‘клинья, скрепляющие раму телеги с подушкой’, урал. *собачина* ‘жердь для скрепления звеньев плота’, вятск. *собака* ‘приспособление в виде скобы, крюка для закрепления обручей бочки’, и под. (ср. другие названия технических скреп — *волчки, лисица, кошки, векошки*), гораздо менее вероятна связь с идеей «цепляния» (ср. *прицепиться* ‘пристать с лаем, о собаке, или с какою-либо докукой, о человеке’), однако глагол *присобачить* давно выпростался из таких териоморфных ассоциаций и в современном сознании с обозначением домашнего животного соотносится лишь формально. Отметим, что антоним *отсобачить* получен заменой приставки, в неполно показанном значении ‘отрезать’, возможно, относясь к практике передела земельных владений; неясно, не является ли арханг. *собачить* ‘скреплять, соединять толстой жердью звенья плота’ результатом обратной деривации — устранения префикса *при-*. Не отчётливо просматриваются смысловые отношения, кроющиеся в глаголе *засобачить* ‘подевать, засунуть, забыв куда’ (с возвратным производным на *-ся* ‘исчезнуть, запропасться’), который на первый взгляд моделирует ситуацию «прятания собакой недогрызенной кости»; глагол переходный, тогда как большинство других глаголов подобной структуры, производных от имён живых существ, являются интранзитивами, в которых носитель

отправного имени служит объектом сравнения (ср. диал. *забычить* ‘заупрямиться (подобно быку)’, *зажелнить* ‘задолбить носом, как желна’; беспрефиксные *сорочить*, *свинячить*, *змеиться*); к тому же ‘прятать’ — действие целенаправленное, а *засобачивают* нечаянно и бесконтрольно. Заметное место в семантике гнезда занимает значение ‘наловчиться’; глагол *насобачиться* Л. В. Куркина (в том же «этимологическом Ожегове»), вслед за многочисленными интерпретаторами, связывает с фразеологизмом *собаку съел*, в основе которого «возм., лежит представление о приобретении знания или умения через колдовство, магию; собака связана с загробным миром и обладает способностью чутя демонов и предвещать смерть; поедание собачьего мяса способствует развитию способностей предвидения»; объяснение более чем спорно. Столь же затруднительны попытки рационального увязывания с идеей «собаки» остальных значений — ‘затянуть илом’, ‘застрять’, ‘переломить сильным ударом’, ‘проткнуть’, ‘пересолить’ и проч.

Однако сведение всех значений глагольных единиц, входящих в обширное диалокальное словообразовательное гнездо, всё же оставляет впечатление, что мы имеем дело с некоей цельностью, правда, характеризующейся постепенно выдыхающимися семантическими связями — от значений, прямо вызывающих к этимону, через ослабленные смыслы, мерцающие всё менее убедительно, к значениям, которые с этимологической семантикой корня уже не имеют ничего общего.

Иной эффект производят номинации, свидетельствуемые по большей части единичными словарными регистрациями, в которых нюансируемых смысловых звеньев, промежуточных между этимоном и деривационным результатом, выявить не удаётся: здесь мы встречаемся не с поддающимся наблюдению постепенным выветриванием исходного значения, а с резким семантическим перескоком³. Это не значит, что реконструировать промежуточные звенья решительно невозможно, однако во множестве случаев намерение прорисовать логические пунктиры обернётся домысливанием к ситуации недоказуемых подробностей и будет отдавать натужной подгонкой к желаемому. Если глаголы *накраситься*, *намаститься*, *насандалиться*, *наканифолиться*, несущие значение ‘напиться допьяна’, могут быть поняты как ‘под воздействием алкоголя прийти в «улучшенное» состояние (подобно тому как «улучшению» раз-

³ Некоторые исследователи такие номинации — *натрезвониться* ‘наестся досыта’, *сарафанить* ‘бить’ — называют (не слишком удачно) «парадоксальными», см. [Матвеева 1981: 144].

личных вещей служат краска, масло, сандал, канифоль)’, то близкие по внешнему устройству и передающие ту же семантику ‘опьянения’ глаголы *наканцеляриться*, *наквакаться*, *наkozyряться*, *накургузиться*, а тем более оттопонимические в конечном счёте *наюрдониться* (к *Иордан*), *наколываниться* (к *Колывань*), подобному декодированию не поддаются (указания на курск. *ирданка* ‘водка’, калуж. *колывань* ‘празднество, пир’ ситуации не спасают). Даже если настойчивому семасиологу-историку удастся отыскать стёршиеся во времени моменты, которые могли бы подтолкнуть к рациональному объяснению «финального» значения производного (потухшая метафора, нераспознанная звукосимволика, трансформация в духе народной этимологии, которая как правило пренебрегает связанностью значений, и проч.), в синхронном плане всё равно останется его несоотнесённость с этимоном, свидетельствующая о расшатывании, а в предельных случаях о вырождении исконной семантики корня.

В качестве показательных примеров отсутствия или сомнительности связей между исходной семантикой корня и значением слова, на синхронном уровне воспринимаемого как производное, привлечём диалектные глаголы разной степени экспрессивности. Большинство их сравнимо с результатами конфиксации или таковыми и является. Источником взят добротный в лексикографическом отношении дифференциальный [Словарь Мордовии] (более 23 200 слов; материал записывался в четыре последние десятилетия прошлого века). Ниже приводятся глаголы лишь с корнями, известными литературному идиому: диалектный корнеслов, не пересекающийся с кодифицированным, потребовал бы разъяснений и отсылок, которые перегрузили бы работу и могли бы осложнить её восприятие. Параллели в комментариях, не сопровождаемые лексикографическими адресами, извлечены из [СРНГ].

- *Прибары́шиться* ‘упасть, свалиться’.

Связей со значением базового слова ‘прибыль, выручка’ не просматривается. Впрочем, *упадает, сваливается, при-валивает* «удача, счастье», но такие случаи весьма мало напоминают физическое падение человека (ср. в иллюстрации: «Ничаво ни зашыбль»). Любопытна, однако, невозвратная форма *прибары́шить* ‘избить, побить’. Её можно трактовать как своего рода супплетивный конверсив к *получить* ‘стать наказанным, побитым’ (*Ты у меня получишь!*, ср. *огрести по полной*) и, таким образом, увидеть в ней внутреннюю мотивированность, хотя бы и ироническую. Сказывается ли это семантическим рикошетом на комментируемой форме?

● *Разбубнить* ‘гоня, заставить разойтись, разогнать’ (в иллюстрации — расшалившихся детей).

Из немногих семантических зацепок — псков. *бубнить* ‘бранить’, но как объяснительный момент она ненадёжна в силу территориальной удалённости и давности регистрации (1899), то есть автономности по отношению к комментируемому казусу. Возможно, имеет отдалённое отношение к *забубённый* (← **забубнить*) (собственно, ‘меченный «бубновым тузом» — клеймом каторжника»⁴). По многочисленным наблюдениям лингвистов, занимавшихся редупликацией, фонетические структуры C_1VC_1 , с повторением консонантных элементов, обладают повышенной привлекательностью в формировании корнеслова экспрессивной номинации, в частности глагольной; см. ниже о корне *-татар-*.

● *Разбумаживать* ‘разбрасывать, раскидывать’ (в иллюстрации — о кудели).

Е. Л. Березович (в устном обсуждении) предложила видеть уподобление кудели бумаге как субстанции, поддающейся раскидыванию. Гадательно: в деревенском быту быть разбрасываемой — далеко не самое очевидное свойство бумаги. Насколько связано со следующим?

● *Разбумажить* ‘сделать жидким, развести’ (тесто, белила).

Фонетически пересекается с арготич. *разбодяжить* ‘разбавить’ (алкоголь) и диал. (в этом же Словаре Мордовии) *разбодяга* ‘половник’, но притяжение семантикой ‘жидкий, разбавлять’ формы, прочно ориентированной на значение ‘бумага / бумажный’, выглядит странно. Неожиданно, однако, выявилось параллельное формально-семантическое схождение нижегор. *разбумажиться* ‘развеселиться, расходиться, разгуляться, расщедриться’ — (б/м) *бадяжничать* ‘шутить, дурачиться’ [Даль]. Кроме того, ввиду диал. *гумага* ‘бумага’, в сличение просятся и формы *разгумажить* ‘поставить (самовар)’, *разгумажиться* ‘нарядиться’, ‘ззаняться’.

● *Разгнédаться* ‘расплакаться’.

Поверхностно-формально соотносится с *гнедой*, но абсурдность такого сближения заставляет искать ложноэтимологический сдвиг. Во

⁴ Цитируемое М. Фасмером (и подробно развитое в [Черных I: 312]) мнение И. М. Желтова о выводимости *забубённый* из *забобоны* ‘суеверие’ ошибочно, как и собственная его догадка о буквальном смысле выражения *забубённое пьянство* — «пирушка с музыкой [“бубнами”]» [Фасмер II: 71].

владимирских, воронежских говорах отмечено *гнѣдаться* — ‘капризничать (преимущественно о ребёнке)’; связано с *гнев*, ср.: «Не *гневи* же ты ребенка-то!» (яросл.). Однако см. ниже, о глаголе *осаверасить*.

● *Перезмеять* ‘сгнуть’.

Наивноэтимологическое подновление корня с утраченной прочитываемостью в *перезнеять* ‘истлеть’ (в этом же Словаре Мордовии) ← *знеть* ‘раскаляться’, далее *зной*. Собственная семантика заменяющей морфемы «не имеет значения».

● *Наконовáлить* ‘налгать’.

Профессия коновала, аналогично фигурам знахаря, лекаря, кузнеца, печника, рассматривается как замешенная на необщем знании и умениях, включая вредоносные, что вызывает в обществе известную насторожённость к нему (лживость коновала увековечена в классике: «...бежал из службы, таскался... по всем захолустьям России..., *коновалил*, покупал, крал и продавал лошадей, *обманывал* кого и где мог...» — И. Лажечников, «Ледяной дом»), но объяснять данный ономаσιологический случай таким недоверием всё же рискованно. Напрашивающаяся «параллель» *врач* : *врать* вызывает большие сомнения; подробнее см. [Аникин РЭС 9: 35–36].

● *Полаты́нить* ‘оборвать, сорвать (плоды)’.

Если здесь результат ложноэтимологических преобразований, то выявить их лишь предстоит. Ср. ниже *ополушубить*. Обычно же с корнем *латын-* связывается представление о чём-то чужеродном, не соответствующем привычному, норме: нижегор., сибир. *облаты́ниться* ‘переменить привычки, измениться в поведении, образе жизни’, колым. ‘обмануться, просчитаться’ [Чикачев: 41], из книжной, видимо старообрядческой, речи (ср. *облаты́нити* [СлРЯ XI–XVII вв. 12: 68]) — о порче, искажении веры под влиянием католицизма).

● *Полобызáть* ‘пойти, отправиться куда-либо’.

Привлечение слов с корнями *-лобз-* / *-лобыз-*, *-лобуз-*, *-лабз-*, *-лабаз-* и проч. ничего не даёт (похожее значение обнаруживает лишь фонетически отдалённое вятск. *лáвазить* ‘часто ходить к кому-либо’, но принять его участие в возникновении комментируемого глагола было бы чистым домыслом). Скорее всего, в примере на *-лобыз-* мы имеем дело со старой, праславянского возраста, ономатопеической основой, размытая семантика которой способствует её эксплуатации в различных экспрессивных об-

разованиях (недаром термин «экспрессивный» настойчиво повторяется в статьях этимологического лексикона, посвящённых словам этого гнезда [ЭССЯ 15: 239–244]). Ср.: «Не ставя здесь вопрос об этимологии слав. **lobъz-ati*..., п р и х о д и т с я всё-таки отметить, что он решается очень приблизительно» [Топоров ПЯ К–L: 409].

- *Намызгаться* ‘надушиться (духами)’.

Чрезвычайно широкий круг плохо сводимых в целое диалектных значений в гнезде *-мызг-* (известном, по данным [ЭССЯ 21: 89–90], только в восточнославянских языках) вновь толкает к мысли о его изначальной экспрессивности, способствующей многоприменимости основы в решении ономаσιологических заданий (лишь некоторая часть значений отталкивается от идеи «влажности, мозглости»).

- *Зачичужить* (1) ‘заколоть, убить на мясо’; (2) ‘положить, убрать так, что трудно найти’; (3) ‘посадить в тюрьму’.

Адресация к *пичуга* ‘мелкая *пикающая* птица’ как источнику номинаций очевидно несостоятельна. Глаголы с корнем *-пичуж-* характеризуются сильной экспрессивностью: *пичужить* ‘давить, жать’, ‘прятать’, ‘ругать’, *зачичужить* ‘задавить кого-либо’, *испичужить* (о водяном демоне: «Попавшихся ей в руки иногда “сужамкает и испичужит”»), *опичужить* ‘съесть всё, доесть’, *распичужить* ‘разогнать, заставить уйти’ (и, кроме того, с назальной инфиксацией, *запинчужить* ‘утомить, замучить’). Их семантика не сводима к единому этимону (лишь часть значений ассоциируется с ‘пихать’) и подталкивает к мысли, что в основе всех приведенных глагольных образований лежит прежде всего выразительная фонетическая форма, а не «идея».

- *Ополушубить* ‘оборвать, оборвать (плоды в саду, огороде)’.

Морфемное устройство глагола очевидно избыточно: идея прореживания (урожая) выражена комплексом *о-полу-*, ср. территориально близкое пенз. *ополубэнить* ‘о по л о в и н и т ь, оборвать (плоды, ягоды и т. п.)’⁵, включение же морфемы *-шуб-*, явно вдохновлённое существованием основы *полушуб-(ок)*, вполне иррационально и весьма близко явлению

⁵ По нашим соображениям, слова *ополубэнить*, урал. *сполубэнить* ‘сорвать кусок кожи с животного, человека, кусок коры с дерева и т. п.’, пенз. *исполубэнить* ‘переломать, перемешать всё (в доме, огороде и т. п.)’ нужно членить с выделением корня *-луб-*, ср. *исполубить* то же, что *ополубэнить*. Таким образом, в привлечённом к комментарию глаголе *ополубэнить* мы сталкиваемся с метанализом и переосмыслением в пользу морфемного комплекса *-пол-у-*.

трансрадикации (присутствие которой в системе русского словообразования в полемике с нами неубедительно отрицается И. С. Улухановым; см. [Журавлёв 1982: 73–75; Улуханов 2012: 388, 392–396]).

● **Обры́биться** (1) ‘освоиться, привыкнуть’; (2) ‘не получить желаемого, ошибиться в расчётах’.

К значению (2) добавляются вятск. *обры́било* ‘не удалось, сорвалось что-либо’, перм., вятск., сибир. *обры́биться* ‘сделать что-либо неудачно, ошибиться, оплошать’, *зары́бить* ‘ошибиться в расчёте, получив меньше ожидаемого’, сев.-двин. *ры́бник* ‘случайный пропуск при вспашке’. На семантическую эмансипацию лексики вроде арханг. *ры́бниться* ‘есть рыбу в строгий пост, когда она запрещена’, *обры́бниться* ‘оскоромиться рыбой в дни особого поста’ похоже мало. Семантика ‘конфузности’ не исключает далёкой связи с фразеологией вроде *рыбу ловить / поймать* ‘(об)мочиться в постели (обычно о ребёнке)’. Но в любом случае эти смысловые зависимости не на поверхности. К формированию же слова в значении (1) оправдательных аналогий не обнаружено (вряд ли иллюстрирующая значение фраза «...привезли робёнок дикарь-дикарём, тут *обрыбился*, привык ко фсем и плакать перестал» вызовет сравнение *как рыба в воде*, скорее уместное для описания нагловатой уверенности в себе).

● **Насавра́суть** ‘наложить в большом количестве’; для одной из иллюстраций точнее: ‘наполнить’ (кошёлку и т. п.).

См. след.

● **Осавра́суть** ‘изнурить, лишить силы’.

У В. Астафьева («Последний поклон», «Печальный детектив», «Обертон») глагол *осаврасить* употребляется в значении ‘обуздать, присмирить’. Для утверждения выводимости глагола из поговорки *Умыкали савраску горы да овражки* [Даль] нужно знать географию и масштабы популярности последней; намного шире известна поговорка того же содержания *Укатали сивку крутые горки*. Имеет ли глагол смысловое соприкосновение с *саврасить* ‘бездельничать’ [Словарь Карелии]? Вообще же, нужно заметить, наименования лошадиных мастей дают богатый материал для наблюдений над того рода семантическими смещениями, который стал предметом настоящей работы (независимо от многообразия и несходства конкретных причин, приведших к видимой синхронной картине), — от аллюзивной игры обозначениями мастей в известной песне «У меня, младой, муж гнедой... А я, млада, каряя... Дети мои пегие

По улице бегали...» до лексических фактов *насавр́аситься* ‘наколоться на что-либо острое’ [Новгородский словарь], *разне́даться* ‘расплакаться’, *осоловеть* ‘разомлеть, опьянеть’, *набула́ниться* ‘наесться, напиться вдоволь’, *запе́житься* ‘удавиться’, *кау́риться* ‘сердиться’, ‘морщиться, угрюмиться’, ‘чуждаться, дичиться’, ‘упрямиться’ (с именными производными), диал., прост., жарг. *забу́реть* в разных значениях, ранее остального ‘освоиться, приобрести несвойственные прежде манеры, втянуться в некий род деятельности’. Чем можно объяснить этот явно аномальный «гиппологический» крен?

- *Отсары́чить* ‘отделить, отрезать’ (обычно о хлебе).

Ср. ещё тобол. *засары́чить* ‘зацепить’; антоним? Переключку с орнитонимом-тюркизмом, наверно, нужно оценивать как патологическую.

- *Уса́харить(ся)* (1) ‘испачкать(ся)’; (2) ‘утомить(ся), измучить(ся)’.

Значение (2) ср. с *рассоло́дить* ‘привести в состояние бессилия, изнеможения’, *рассоло́деветь* ‘разомлеть, осоловеть’. Обращает на себя внимание несводимость значений (1) и (2) к сходным импульсам.

- *Насковоро́жить* ‘написать неразборчиво’.

Отношение к *сковорода* вторично и чисто формально. Представляет собою ложноэтимологическую замену основы; ближайшие формы с тем же значением — перм. *наваракóсить* ‘плохо, неразборчиво написать’, рус. гов. Карелии *наворокóшить* ‘написать кое-как’, далее многочисленные *варáк(ó)са*, *варáкать*, *варáкать* и проч. с семантической доминантой ‘делать плохо, неумело’. Реэтимологизация могла быть вызвана непрозрачностью внутренней формы, не слишком ясной и для этимологов (см. [Аникин РЭС 6: 66–68 и далее]).

- *Прискр́ипчить* ‘настигнуть, прийти’ (о беде).

Основа *-скрипч-* соотносима, кажется, только со словом *скрипка*. Логика неисповедима.

- *Присмо́лить* ‘ударить, стукнуть’.

Удивительным образом название смолы, субстанции вязкой и липучей (ср. *пристал как смоль*), становится ономасиологической основой для обозначений действий, требующих быстроты и энергии: диал. *смо́лить* ‘быстро идти, бежать’, *засмо́лить* ‘с силой ударить’, *засма́ливать* ‘начинать быстро, энергично что-либо делать’, ‘вбивать’ (гвоздь, клин), *насмо́лить* ‘избить, отколотить’, *насма́ливать* ‘энергично делать что-

либо, работать', 'быстро бежать, ехать' и под. Вероятно, это результат утраты семантического компонента 'огонь' в стандартном метафорическом преобразовании 'ожечь' → 'ударить' (с дальнейшим смещением к значению 'быстро двигаться').

- *Присолод́иться* 'присоединиться, пристроиться'.

Семантическое несхождение наблюдается, например, и в кубан. (за)-*солодовáться* '(за)возиться, медленно и долго делать что-либо'.

- *Подсубо́бить* 'дать, вручить обманом что-либо недоброкачественное, ненужное', *подсубо́бить свинью* то же.

Из *подсудоб́ить*, со спорной этимологией — либо к **sɔd-(ɨb)*- (как усматривается Далем), либо к **sɔ-dob-* (что представляется значительно более вероятным). При принятии второй этимологической версии в *подсудоб́ить* (→ *подсубо́бить*) выявляется иронический смысл. Ср. след.

- *Присубо́бить* 'присвоить что-либо подлежащее возврату'. Ср. *присудоб́ить(ся)* 'присоединить(ся), примкнуть'.

- *Притата́риться* 'умереть, скончаться'; *утата́риться* то же; *утата́рить* 'лишить жизни, убить'.

Фонетическая последовательность *татаp-*, ассоциируемая прежде всего с наименованием этноса, наделяется негативным содержанием, ср. арханг. *татарские очи* о бездельнике, обманщике, *растата́рить* 'истратить, промотать', 'распродать', *растата́рничать* 'промотать'. Ср. также звукосимволику образований *утетэ́рить* 'сильно избить кого' (также *утетэ́шить* 'убить кого'), в других значениях — *затото́рить* 'затерять, задевать куда-либо', *растото́риться* 'развести (о весенней распутице)', *тытэ́рить* 'обманывать кого-либо', *притаты́рить(ся)* 'явиться без приглашения' (ср. пословицу о незваном госте), *растуту́ра* 'раздор, несогласие; неурядица' и под. В данном случае уместно сказать, что ономаσιологической базой взят выразительный консонантный комплекс *т-т-р* — сам по себе с «никаким» значением, но вокалическое его насыщение (с ударением на втором гласном) осуществлено с ориентацией на этноним с традиционно отрицательными коннотациями. Кстати, упомянутый глагол *растатаpить* перекликается со словац. диал. *roztatárit'* 'расточить, растранжирить' [SSJ III: 230], *odtatárit'* 'безрассудно лишиться кого/чего-л.' [SSJ II: 517], к которым Л. Кралик добавляет испытавшее диссимиляцию словац. диал. *zatafárit'* 'нерасчётливо потратить, потерять' [Кралик 2006: 162]; разумеется, здесь сказывается недобрая память, которую оставили

по себе нашествие «татаро-монгол» на Венгрию и османская оккупация части Словакии, но объяснение только историческими событиями («семантика легкомысленного расходования может быть неким отголоском семантики разорения, разрушения»), без обращения к собственно языковым факторам, обнаруживает ощутимую неполноту.

- *Растелѣжиться* ‘заболеть серьёзно, расхвораться’.

Возможно, притягивающим оказался «образ» *телеги* как чего-то неуклюжего и неудобного (ср. кемер. *растележиться* ‘разместившись где-либо, занять какое-либо место, загромоздить его’), хотя экспликация метафоры затруднительна (из образного *(*скрипеть*) как старая телега? ср. в письмах М. Горького: «скриплю и кашляю, как старые дрожки»). Ср. яросл. *затележить* ‘сделать что-либо больше, чем нужно, или грубее, чем обычно’. Помимо того, можно предположить косвенное влияние экспрессивных образований с идеофонической подоплёкой вроде *растелѣпа, растелѣпа, растелѣха* ‘неповоротливый человек’, безличн. *растелѣпило* (кого) ‘расслабило, разморило (от долгого лежания)’.

- *Утопыриться* ‘уйти’ (с оттенком неодобрения: «Мать утапыриць с утра, тьк да вечирь ни сыщиш»).

Не может ли быть экспрессивным суффиксальным расширением основы глагола *у-топать*? Ср. *глазырить* ‘глазеть’, *глудзырить* ‘толковать; думать, рассуждать’, *размотырить* ‘размотать, распутать’. Можно предположить, конечно, что *-топыр-* указывает на осанку, неловкую манеру ходить, то есть основа использована в своём значении, но это так и останется гадательным.

- *Втявкаться* ‘влюбиться’.

Влюблённость иной раз бывает неловкой и отяготительной (ср. *влипнуть, вляпаться, втяпаться, втепаться, втюриться*), но для объяснения позиция облаиваемого собаками не напрашивается даже в виде далёкой ситуационной параллели. Тем более что устройство глагола скорее диктует буквальное прочтение ‘(самому) втянуться в брѣх, тьяканье’. Скорее всего, эксплуатация основы *тявк(-ать)* вызвана действием «чистой» экспрессии, не обременяющей себя никакими этимологическими обязательствами.

- *Захомячить* безличн. ‘затянуться тучами’.

Смысловая зависимость от *хомяк* невразумительна. Может быть, имеет отношение к территориально недалёкому нижегор. *хом* ‘бугор, кочка’,

также сев.-двин. 'холм', далее к мифологеме «облако, туча = гора» [Афанасьев ПВСП II: 350; Журавлёв 2005: 513]? Малонадёжно.

● *Заиуру́нить* (своё) 'утратить влияние, власть'.

Корень *иуруп-* обладает выразительной фонетикой, чем и оказался притягательным для образования экспрессивных глагольных форм, в своих значениях на семантику германизма *иуруп* (< *иуроб*) не настроенных, ср. *прииуру́ниться* 'прицелиться', *поиуру́нить* безличн. 'прийти в голову', *сиуру́нить* 'вовремя сообразить, догадаться'⁶; далее *расиору́нить* безличн. 'развеселить'. Своей экспрессивностью глагол, возможно, обязан и созвучным *иуровать*, *иурудить*. По звучанию комментируемому корню близок и корень *суроп-*, содержащийся в ряде пёстрых по значениям экспрессивных глаголов: *подсуро́пить* 'подпортить дело, подложить свинью', *пересуро́пить* (и, в этом же Словаре Мордовии, *пересуру́нить*) 'перемешать', 'перестараться', *рассуро́пить* 'вывести из терпения, рассердить'.

Число примеров может быть значительно увеличено, но и приведённых образцов достаточно, чтобы видеть множество факторов, способствующих возникновению ситуации, когда значение данного глагола, который в нашем сознании входит в данное словообразовательное гнездо, не соотносимо с этимологической семантикой его корня⁷. К корне-

⁶ Это утверждение можно подвергнуть некоторому сомнению, связав значения двух последних примеров с мотивировкой фразеологизма *винтиков не хватает*. Однако глагол *иурупить*, найденный двумя экземплярами в материалах [НКРЯ] (у Ю. Черниченко и Ю. Визбора, в моделировании устной речи), не несёт собственно ментальной семантики, означая скорее 'стараться, прилагать усилия, «пошевеливаться»'.

⁷ В недавней статье, толкуя происхождение глагола *уписывать* / *уписать* 'есть / съесть с аппетитом', мы привели очень неполный список его диалектных синонимов (часть которых образована путём конфиксации) с подобной же невыводимостью из этимона. Позволим себе здесь его воспроизвести — ради демонстрации возможностей номинации вне этимологических зависимостей, с десемантизацией корня; важным здесь является именно тот момент, что разнообразие мотивирующих форм служит передаче одного и того же содержания: *коберестить*, *навернуть* / *навертеться* / *наворотить* / *наворачивать* / *увёртывать*, *завивать*, *свинтить*, *завихривать*, *возить*, *гвоздырять*, *угиать*, *глушить*, *уговорить*, *гоготать*, *сдуть*, *жучкать*, *назвониться*, *зудить*, *склёсать* / *окаяцкивать*, *сколачивать*, *кружить*, (за-, об-, у-) *лепётывать*, *замывать*, *понужать*, *пёстрить*, *пластаться*, *опрягать*, (за-) *пузыривать* / *опузырять*, *засвистывать* / *выхвистывать*, *засмолить* / *засмаливать*, (за-) *стебать* / *устёбывать*, *наточиться*, *жухвостить*, *хлобучить*, *очихмаривать*, *хоботить* / *хобачить* / *охобачивать*, *уходить* (соверш. в.) / *охаживать*, *очёсывать*...» [Журавлёв 2021a: 351].

вой «омонимии» приводят, нередко взаимодействуя, угасание метафоры, ложноэтимологические преобразования, перерасложение основы, наложение заимствованного корня на созвучную основу, опора номинации на яркий фонетический комплекс, изначальная смысловая размытость ономастопеи; в заметном числе казусов несхождение отправного и конечного значений оказывается, наконец, следствием чисто произвольного выбора, сделанного имядателем, соединившим несоединимое. Каковы бы ни были трансформирующие процессы, скрытые временем («выветривание»), или ономастические интенции, лежащие в основе разового словообразовательного акта, лишённого внутренней логики и порождающего острый конфликт «базового» и «результатного» значений, они вызывают нарушение смысловой цельности гнезда: формально выказывая себя дериватом, слово от этимона отворачивается.

Относить подобные семантические «перескоки» в производном к фактам *о б о г а щ е н и я* семантики корневой морфемы никоим образом нельзя. Спектр её значений не прирастает, потому что результаты описанных трансформаций в обычае носят тупиковый характер, у них очень малы перспективы дальнейшей деривации (исключение составляют — в рамках грамматического освоения новой глагольной единицы — случаи едва ли не машинальной обратной деривации, состоящей в видовой депрефиксации типа *собачить* ‘скреплять’ ← *присобачить*, или оформления постфиксом *-ся*). Возникновение глагола *наканцеляриться* ‘напитаться допьяна’ не привело к раскрепощению морфемы *-канцеляр-*, она не стала и вряд ли станет базой, скажем, для именованья ‘пьяницы’ или ‘регулярно повторяющихся возлияний’. Синтез глагола *осаврасить* ‘лишить силы’ не рикошетирует прибавлением прилагательному *саврасый* значения ‘бессильный’ и не продолжается абстрактным существительным ‘изнурение’. От *подсуботить* ‘всучить ненужную дрянь’ не производятся имена **субота* ‘обман’ или ‘суррогат’ и **суботний* ‘ненужный’⁸.

⁸ Сложная картина диалектной лексической семантики, обусловленная действием разнонаправленных факторов, перекрещиванием независимых мотиваций, столкновением разноприродных явлений в тексте и проч., даёт примеры, которые как будто ослабляют утверждение о несклонности таких глаголов давать дальнейшие производные. Так, приведённый выше глагол *кауриться* ‘сердиться’, ‘угрюмиться’, ‘упрямиться’ и др., синхронно соотносимый с названием лошадиной масти, соседствует в словообразовательном гнезде с характерологическими нарицательными именованиями и прозвищами угрюмого, застенчивого или упрямого человека — *каура*, *каурка*, семантика которых указывает на отглагольность: у самого прилагательного вторич-

Идеи «опьянения», «изнурения», «надувательства» не сосредоточены в корнях упомянутых глаголов, как при стандартной деривации, а передаются лишь глаголами целиком, то есть грамматически оформленными аффигированными единицами. Семантика же собственно корней неопределима, в содержательном отношении они опустошены. Здесь срабатывает закон идиоматичности: чем теснее синтагматические связи языковой единицы (в нашем случае аффиксальный контекст корня), тем менее определённым становится её место в семантической парадигме. Отблеск исконного значения осознаваемого мотивирующего корня лишь оставляет у носителя языка ощущение, что в такого рода производных он встречается с тропическими сдвигами, основания которых ему на синхронном уровне не видны. Но «этимологически» это как правило не тропы (во всяком случае не метафоры «по определению»), ощущение обманчиво.

Номинационные единицы подобного типа, несмотря на осчастливившую их лексикографическую регистрацию, по большей части остаются фактами творимой речи; лишь сравнительно немногим из них удаётся стать принадлежностью воспроизводимого словаря. Но следует сказать, что сама языкотворческая практика, плодами которой они оказываются, весьма распространена и представляет собою явление хотя и не регулярное по характеру, но слишком существенное, чтобы его можно было обойти исследовательским вниманием. Слова рассмотренной природы, существование которых теория обычно стыдливо обходит, могут и должны быть обращены из *enfants terribles* словообразования в предмет признания и учёта системными описательными построениями.

Создание общей теории словообразования, не зияющей противоречиями, формулирование правил дериватологического описания отдельных говоров или начертания картины диалектной словообразовательной системы в целом нельзя осуществить, не заложив в теоретические уста-

ных значений не находится. Но можно заметить, что производные от *каурыз* (тюркизм) не слишком хорошо защищены от соприкосновения и смешений со словами других корней, в частности (*ко-выр-* (< **ko-virati*, см. [ЭССЯ 12: 13–14, 17]), ср. семантическую близость слов *ковы́рится* ‘о лошади — пятиться, отступать, как бы упрявиться (при испуге)’, *ковы́рка*, *ковыря́лка* о неуклюжем человеке, *ковыря́ха* ‘рохля’ и под., далее — *ковёркаться* ‘упрямиться’, *коря́вый* ‘невежливый, грубый’, ‘своеобразный, упрямый’, *истоу́риться*, *истовы́рится* ‘рассердиться, нахмуриться’. Установление векторов формальной зависимости и смысловых влияний в подобных фонетико-ассоциативных наложениях — занятие нелёгкое и малоблагодарное.

новки эксплицитное принятие феномена семантического опустошения корневых морфем в качестве одной из неотменимых данностей. Игнорирование регулярной десемантизации как работающего фактора в возникновении слов не позволяет достичь полноты и адекватности в описании принципов и механизмов номинации.

Литература

- Аникин РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–. Афанасьев ПВСП — А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. I–III.
- Блинова 1984 — О. И. Блинова. Русская диалектология: лексика. Учебное пособие. Томск, 1984.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV. [Перепечатка 2-го изд.: СПб.; М., 1880–1882].
- Журавлёв 1982 — А. Ф. Журавлёв. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–109.
- Журавлёв 2005 — А. Ф. Журавлёв. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Журавлёв 2021 — А. Ф. Журавлёв. *Огорошить* // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб., 2021. С. 153–168.
- Журавлёв 2021a — А. Ф. Журавлёв. К возможному происхождению глагола *уписывать* / *уписать* ‘есть / съесть с аппетитом’ // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М., 2021. С. 349–357.
- Касаткин (ред.) 2005 — Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
- Кралик 2006 — Л. Кралик. Из словацкой диалектной лексики: *deethnonymica* // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006. С. 161–168.
- Матвеева 1981 — Т. В. Матвеева. Оценочная внутренняя форма как средство экспрессивности // Этимологические исследования. Свердловск, 1982. С. 142–148.
- Мочалова 2008 — Т. И. Мочалова. Русская диалектология: учебно-методическое пособие. Саранск, 2008.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>
- Новгородский словарь — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995; Великий Новгород, 2000. Т. 1–12, 13 (дополнительный).
- Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.

- Словарь Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. I–II.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1966. Вып. 1, 2; Л. (СПб.), 1968–. Вып. 3–.
- Топоров ПЯ — *В. Н. Топоров*. Прусский язык. Словарь. [В 5 т.]. М., 1975–1990.
- Улуханов 2012 — *И. С. Улуханов*. Словообразование посредством замены морфем // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Београд, 2012. С. 387–398.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Черных — *П. Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. I–II.
- Чикачев — *А. Г. Чикачев*. Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск, 2005.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- Grzegorzczkova 1981 — *R. Grzegorzczkova*. Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe. Warszawa, 1981.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959–1968. Т. I–IV.

Summary

Anatoly F. Zhuravlev

Root desemantization as a problem of derivatology (based on the material of derived verbs in Russian dialects)

In derivatology (in a broader sense, in the theory of nomination), the role of an important factor in the emergence of lexical units — the semantic emptying of root morphemes — is underestimated. The article considers Russian dialect expressive verbs formed by confixation, in which there is no connection between the etymological meaning of the root and the semantics of the derived word. The meaning of such a word is not concentrated in the root, but is transmitted by the word-formation construction as a whole. According to the author, the theoretical ignoring of regular desemantization does not allow achieving adequacy in the description of the principles and mechanisms of nomination.

Keywords: nomination, word formation, Russian dialects, verb, root, desemantization, formal and semantic asymmetry, expressivity